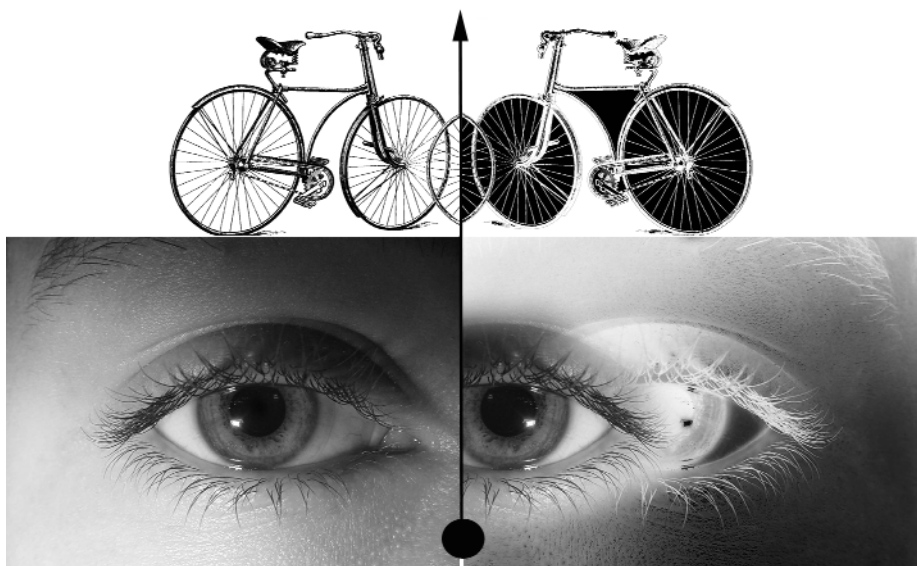


Измерение совести



...его душа... витала в пространстве четвертого измерения, где предметы измеряются в ширину, длину, глубину... «где нет времени», где нет понятий «вне» и «внутри», — где все предметы проникают друг друга, не смешивая своих форм.

А. Беляев. Ни жизнь, ни смерть.

Меня зовут Илья Ильич Рубцов, и я хочу рассказать о последних часах Ивана Степановича Вагнера. Вы, конечно, читали рассказы и повести о нем, собранные известным писателем-фантастом Александром Беляевым и опубликованные им под общим названием «Изобретения профессора Вагнера». Там много преувеличений, домыслов и откровенной чепухи. Взять, например, историю с гигантскими блохами, по поводу которой сам профессор прямо сказал: «Выдумки! Со мной этого не было!» Но есть и много дельного. Вагнер действительно не нуждался в сне и мог занимать-

ся несколькими делами сразу. Так что описанное в рассказах «Человек, который не спит» и «Хойти-Тойти» — правдиво.

Впервые я узнал о профессоре Вагнере, прочитав в одном популярном журнале забавную заметку «Случай на скачках». Речь в ней шла о механической кляче, обогнавшей лучших московских рысаков, что стоило ее изобретателю множества синяков и шишек. Помнится, тогда я посмеялся над безудержной фантазией журналистов, поскольку ни минуты не сомневался, что это газетная «утка». Я не знал, что очень скоро мне доведется лично познакомиться с чудачковатым профессором. Произошло это в Крыму, в Симеизе; подробности нашего удивительного знакомства изложены в рассказе «Вверх дном», так что я не буду на них останавливаться. Тем более, что за первым знакомством последовали новые встречи. А кончилось все невероятным приключением

на Новой Земле, где я работал радистом на метеорологической станции. Этот случай описан в рассказе «Человек-термо», тогда я на себе узнал, чем могут закончиться рискованные эксперименты профессора Вагнера.

Кстати сказать, тогда же я начал собирать всевозможные истории о чудесных опытах и изобретениях профессора Вагнера, истории, как потом выяснилось, большей частью выдуманные. Я тщательно записывал их, для чего завел даже специальную записную книжку. Впоследствии, увы, она сыграла самую злополучную роль в жизни Вагнера. Да и в моей тоже. Вот об этом я и хочу рассказать. В 1937 году профессор Вагнер был арестован по обвинению в шпионаже, началось следствие. К тому времени я потерял связь с профессором и даже не представлял, чем он занимается. С его неумным характером он мог оказаться где угодно. Он мог охотиться на слонов в Африке, а мог проводить очередные испытания на островах Новой Земли.

Представьте себе мое удивление, когда я вдруг узнал, что Вагнер в Ленинграде... что он сидит в знаменитых «Крестах»... и что следствие всюду набирает обороты. Для меня это известие было как гром с ясного неба.

20-го декабря меня вызвал к себе следователь, который вел дело Вагнера; фамилия его была — ясно помню — Глуховцев. У него были холодные голубые глаза и три шпалы в петлицах гимнастерки. Он предложил мне сесть, придвинул папиросы, от которых я отказался, объяснив, что не курю по причине слабости легких. Тогда он закурил сам, справился, не мешая ли мне дым, и приступил. Начал он с вопроса, когда и где я в последний раз виделся с Иваном Степановичем. У меня не было причин что-либо скрывать, и я честно рассказал о том, что в последний раз виделся с Вагнером девять лет назад, когда работал радистом на Новой Земле.

Следователь задал еще несколько незначительных вопросов из моей биографии, и я начал уже недоумевать, зачем он меня вызвал, как вдруг уви-

дел у него в руках свою старую записную книжку.

— Вам знакома эта вещичка? — спросил он.

— Да, конечно. Как она попала к вам? Я считал ее утерянной.

— И совершенно напрасно, — заметил он, листая книжку. — Здесь много любопытного.

Я пожал плечами:

— В основном досужие вымыслы, ничего серьезного.

— Я так не думаю. Вот эта история с английским скакуном Викингом. У вас даже точная дата указана — 21 мая 1926 года. Если не ошибаюсь, профессор находился тогда в научной командировке в Оксфорде... А прелестная история с блохой в Париже! Это правда, что французский президент наградил профессора орденом Почетного легиона?

— Но ведь это же анекдот, — удивился я. — Или вы всерьез верите, что Вагнер вывел гигантскую блоху, способную перепрыгивать дома? Это противоречит законам физики.

— Я верю фактам, — возразил следователь, — а факты упрямая штука, пусть даже они сто раз противоречат законам физики.

— Что вы хотите от меня? — прямо спросил я.

— Немногого: понимания и сотрудничества. — Он улыбнулся, но голубые глаза его оставались холодными. — Расскажите мне все, что вы знаете о деятельности профессора за последние годы.

Я ответил, что ничего не знаю, так как не имею с Вагнером никакого сношения.

— А мне кажется, Илья Ильич, имеете, — сказал следователь.

Я уставился на него.

— Вы ведь до сих пор занимаетесь радио? Кстати, — спросил он как бы между прочим, — какие опыты вы ставили на Новой Земле?

Я открыл было рот, чтобы ответить, но он опередил меня:

— Это правда, что Вагнер поручал вам передавать шифрованные сообщения англичанам и французам? Или, может быть, японцам, а?

Я онемел от неожиданности.

— О чем Вагнер вел переговоры с сотрудниками японского посольства в Берлине? — продолжал напирать следователь. — Может, скажете, что вам и это не известно?

— Конечно, не известно, — взорвался я. — И никаких радиосообщений никому я не передавал!

— А это мы еще выясним, — пообещал следователь, выписывая мне пропуск. — Идите. Вы свободны. Свободны, свободны... — И он добавил многозначительно: — Пока.

Я вернулся в свою комнату на Литейном. В голове у меня был полный сумбур. О том, чтобы уснуть в ту ночь, не было и речи. Я пробовал читать — куда там! Мерить шагами комнату? Тоже нельзя: перегородки у нас в доме тонкие, соседи могут услышать. Это была самая мучительная ночь в моей жизни.

«Как же так? — думал я. — Вагнер — и под следствием! Это какое-то недора...»

Не успел я додумать свою мысль до конца, как на коммунальной кухне раздался адский грохот. Вагнер! Не знаю, почему я так подумал, но я ни минуты не сомневался, что это Вагнер. И оказался прав.

Вагнер стоял посреди кухни на одной ноге, придерживая локтем мешковатые штаны и выискивая на полу место, куда можно ступить. На полу валялись: цинковая ванночка для купания младенцев (собственность молодой семьи из пятой комнаты), эмалированный таз (имущество холостяка Шендеровича из третьей), алюминиевая суповая кастрюля (принадлежность Анфисы Ивановны, старой ведьмы из второй).

Стоило мне подумать о старой ведьме, как она подала голос.

— Это вы, Рубцов? — раздался из-за двери ее бас.

— Простите, Анфиса Иванна! Захотелось грешным делом чайку попить.

— А чтоб вам, голубчик, ноги переломило с вашим чайком, — искренне пожалела мне Анфиса Ивановна.

Мне показалось, что дверь в комнату холостяка Шендеровича слегка

приоткрылась, и в щели заблестел глаз. Он тут же исчез, но все же я схватил Вагнера за локоть и поторопился увести его в свою комнату.

— Есть у вас ремень и шнурки? — загремел Вагнер, как только я прикрыл дверь. — Мои отобрали в тюрьме.

Я взмолился, чтобы он говорил потише. Я достал из бельевого шкафа брючный ремень и шнурки. Пока Вагнер был занят приведением себя в порядок, я исподволь разглядывал его при свете керосинки.

Я не видел Вагнера лет девять. Он ничуть не изменился. Я быстро произвел в уме несложный расчет. Сейчас ему должно быть под семьдесят, а выглядит он от силы на пятьдесят! Все те же румяные щеки и окладистая борода, тот же задорный, мальчишеский взгляд, та же неумная энергия.

Дождавшись, когда он завяжет шнурки и выпрямится, я накинута на него с вопросами:

— Как вы здесь оказались? Вас отпустили? Что вы натворили, профессор?

— Ничего, — прогудел он благодушно. — Я вижу, этот настырный Глуховцев и до вас добрался. Небось, спрашивал о моих новых изобретениях?

— Да, товарищ Глуховцев интересовался вашей деятельностью за последние годы, — сдержанно проговорил я, боясь сболтнуть лишнего.

Вагнер усмехнулся, раздвинув полными губами усы и бороду.

— Кажется, он неплохо вас обработал.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — почти искренне возмущился я. — Так вас освободили?

— Освободили? Разве это свобода! Мне, голубчик, нужна абсолютная свобода.

— Вы лучше меня знаете, что абсолютной свободы не бывает, — сказал я с укором. — Любая свобода только кажущаяся. Разве вам мало того, чего вы достигли? Расскажите мне, как получилось, что вас подвергли аресту?

— За что меня арестовали, вы хотите сказать? — поправил меня Вагнер

(он терпеть не мог усложнения формулировок без необходимости). — Я отказался сотрудничать с органами.

— Но почему? — Я невольно вспомнил слова Глуховцева о японских шпионах. Неужели Глуховцев не врал и профессор действительно... Этого просто не могло быть!

— Раньше я был наивен и полагал, что каждый член общества должен быть максимально полезным обществу, — спокойно объяснил Вагнер. — Я, не задумываясь, использовал соседских собак для своих экспериментов, считая вред, наносимый мной отдельным гражданам, несоизмеримо малым рядом с той огромной пользой, какую я принесу обществу в целом. Так же, не задумываясь, я использовал бы самих граждан. Что такое жизнь отдельного человека рядом с пользой для всего человечества?

— Разве теперь вы думаете иначе? — спросил я. — Вы клевете на себя, Иван Степанович! Я уверен, вы так же, как и я, как любой советский человек, отдали бы жизнь за общее дело. Вы просто устали и разочарованы. Это понятно.

Вагнер печально покачал головой.

— Общество, которое думает, прежде всего, о себе, а не о тех, кто его составляет, — обречено. Не максимальная польза обществу, а максимальная свобода от его диктата — вот благо. Расширение границ личной свободы.

— Этак вы договоритесь до черт знает чего, — шепотом возмущился я. — Если мы будем думать только о личной свободе, мы в каменный век вернемся, клыками и когтями друг друга драть начнем. Чтобы никто не стеснял нашей свободы. Общество потому и накладывает разумные ограничения на каждого из нас, что заботится о равной степени свободы для каждого своего члена. Я говорю, разумеется, об идеальном, коммунистическом обществе, к которому мы идем.

Я считал, что мы спорим впустую. Я был уверен, что Вагнер согласен со мной, что он просто сердится на следователя Глуховцева, но не хочет признать этого прямо.

— В каменном веке мы находимся сейчас, — проворчал Вагнер. — Мы даже не можем проникнуть внутрь вещей, не разъяв их.

— Как вам удалось бежать? — спросил я, чтобы переменить тему. — Новое изобретение, позволяющее проходить сквозь стены?

Я сказал это в шутку, но, как оказалось, попал в точку.

— Можно и так назвать, — сказал Вагнер. — Я изобрел машину измерений.

— Машину, позволяющую путешествовать по измерениям? Где же она?

— Здесь, — серьезно сказал Вагнер и постучал себя по лбу. — Человеческий организм — самая совершенная в мире машина. Нужно только уметь правильно настроить ее. Вы не представляете, насколько захватывающе интересны путешествия по измерениям!

— Вы говорите о пространственных измерениях, профессор? — уточнил я.

— Можете называть это измерением свободы или измерением совести, — пожал он могучими плечами, — физическая сущность от этого не меняется. (Ср. высказывание, приписываемое Гильберту: «В геометрии ничего не изменится, если слова «точка», «прямая» и «плоскость» заменить словами «стол», «стул» и «пивная кружка». — Прим. издателя.) Если хотите, я покажу вам мир четырех измерений, по отношению к которому наш мир тюрем и внутренней несвободы является таким же плоским и примитивным, как для нас — лист писчей бумаги. Вы готовы?

Готов ли я? Да с профессором Вагнером я готов был отправиться на край Вселенной... Я снова почувствовал себя тем молодым ученым, каким был на Новой Земле, когда участвовал в удивительных экспериментах профессора Вагнера.

— Итак, если вы готовы... — Вагнер сделал перед моими глазами какой-то неуловимый жест рукой, и мир вокруг изменился.

Мне показалось, что он приобрел какую-то новую глубину. Стены раздвинулись, и я увидел за ними Анфи-

су Иванну в папилютках, басовито всхрапывающую на чудовищных пуховых подушках. В дальней угловой комнате я увидел Шендеровича. К моему удивлению, он и не помышлял о сне. Напротив, он натягивал на себя полосатые брюки, не попадая в спешке ногой в штанину. Я видел его не только снаружи, но и изнутри. Я мог пересчитать все пломбы в его зубах. Я видел черные его прокуренные легкие и черное его завистливое сердце. Я знал, куда он так торопится, но только рассмеялся этому. Я чувствовал себя свободным, абсолютно свободным.

Зимний Ленинград распластался под нами, придавленный тяжелой снежной тучей и тяжелым мертвенным сном. Я с удивлением увидел, что во многих квартирах, за плотными, непроницаемыми для света шторами, не спят, мечутся из угла в угол, лежат с остекленеными глазами, отвернувшись к стене и вцепившись зубами в угол подушки, сидят на кухнях под голыми лампочками, глотая горький чай, в горьких размышлениях. Тяжесть мира обрушилась на меня. Я понял, почему Вагнер называл четвертое измерение измерением свободы и совести.

Голос Вагнер доносился как бы издалека:

— Теперь видите?

Теперь я видел.

А мы уже падали куда-то вниз. Промелькнула передо мной пустая моя комната с горящей на столе керосинкой. И вдруг все исчезло, кроме каких-то световых пятен и теней. Я огляделся и увидел, что остался один. Вагнера нигде не было. Собственно, и самого «где» тоже не было. Я оказался в мире, который состоял из одних более или менее протяженных, непрерывно колеблющихся отрезков. Одни из них были светлые, другие ослепительно яркие, третьи совсем темные. Эти отрезки то приближались, то отдалялись, заслоняя друг друга. Это было все равно, что смотреть на ручей в солнечную погоду. Зрелище гипнотическое, погружающее в сон. Может быть, у меня что-то случилось со зрением?

— Вагнер, — позвал я. — Где вы?

Мне показалось, что до меня доносятся какие-то звуки, но они были настолько разрознены, что сложить их воедино не представлялось возможным.

Постепенно, к моему удивлению, световые и теневые отрезки начали складываться в нечто определенное. Я догадался, что это просто мое зрение привыкает к пространственному особенностям мира, в котором я очутился. Стоило мне отказаться от попыток сосредоточиться на чем-то одном и смотреть на окружающее как бы вскользь, как разрозненные, на первый взгляд, отрезки складывались в цельную картину. Можно сказать, я овладел перспективой этого мира, научился определять пропорции и расстояния в зависимости от кажущихся величин этих отрезков. Я догадался, что темные отрезки находятся ближе, светлые дальше, а ослепительно яркие совсем далеко. Поэтому более длинный темный отрезок в действительности мог оказаться гораздо короче яркой точки, поскольку находился на значительно более близком расстоянии.

Я сделал несколько неуверенных шагов и увидел, как некоторые отрезки становятся совсем темными, а лежавшие за ними светлые темнеют. Я вытянул вперед руку — она показалась мне совсем черной у основания и светлой на кончиках пальцев. Этот зрительный эффект показался мне забавным, и некоторое время я экспериментировал, поднося руку к глазам и отводя ее вдаль. Между прочим, я заметил, что могу делать это только в двух направлениях — вперед и назад. У меня возникло неприятное ощущение, словно что-то меня сковывает. Как будто я натянул на себя чрезвычайно узкий пиджак, лишившей меня привычной свободы движений. Я долго не мог понять, в чем тут дело, пока не начал смутно вспоминать, что прежде мог двигать рукой — вперед и назад, вправо-влево, но и отводить ее в стороны — вправо-влево. Я несколько раз повторил в уме два этих простых слова: «вправо» и «влево», не понимая их

смысла. Понятия, лежавшие за ними, просто перестали существовать для меня.

Теперь я окончательно сообразил, что нахожусь в пространстве двух измерений. Я мог видеть и двигаться только в плоскости, все, что осталось за плоскостью, перестало для меня существовать. Но куда же подевался Вагнер? Ну, конечно же! Мы оказались в разных плоскостях — каждый в своем двухмерном мире, увидеть которые разом можно только из третьего, «объемного» измерения.

Вдруг передо мной, словно вынырнув из небытия, появился Вагнер. Внешность у него была странная. Он походил на камбалу с одним-единственным выпученным глазом, а передвигался, как клоп по стене, головой вперед, перебирая всеми конечностями. Наверное, я выглядел не менее нелепо.

Не успел я поприветствовать его, а мы уже провалились еще ниже. Теперь не стало не только высоты, но и ширины, осталась одна длина. И на этой «длине», то есть на прямой — единственном измерении одномерного пространства — я увидел точку. Это был Вагнер. Я не сомневался, что и он воспринимает меня как точку. Я подумал: какой скучный мир, ограниченный с обеих сторон неподвижными точками. Неожиданно я почувствовал во всем теле вибрацию. Не то чтобы она вдруг возникла — она пронизывала меня с первого же мгновения, — но заметил я ее только сейчас. Это была очень сложная вибрация, ее составляло бесчисленное множество ритмов, быстрых и медленных, равномерных и прерывистых. Я догадался, что каждый объект одномерного пространства имеет собственную вибрацию, которая распространяется от него в обе стороны. Вибрации накладываются одна на другую, усиливая или, напротив, ослабляя друг друга. Они беспрепятственно пронизывают собой все предметы одномерного мира, достигая самых отдаленных его уголков. Живые существа способны не только воспринимать их, но и производить. Таким образом они общаются

не только со своими соседями, но и — сквозь них — со всем миром. Какой богатый и интересный оказался мир!

Но вот наше путешествие закончено. Мы снова стоим в моей комнате — в нашем несовершенном трехмерном мире.

Где-то за углом дома послышался шум колес и визг тормозов. Я подскок к окну и, отдернув штору, выглянул на улицу. По стеклу скользнул свет фар, и прямо напротив нашего подъезда остановился черный «ворон».

По выражению моего лица Вагнер все понял.

— Скорее! — крикнул он. — Раздевайтесь и гасите лампу!

— А вы? — спросил я, торопливо расстегивая рубашку.

— За меня не беспокойтесь. В тюрьму я не вернусь. Я давно хотел проверить одну гипотезу.

Я сдернул брюки и откинул одеяло. — Нулевое измерение, — сказал Вагнер. — Евклидова точка. Вы всегда в тапочках спите?

— Евклидова точка? Но ведь материально ее не существует! — Я яростно сдирал тапочки о спинку кровати. — Вы погибнете!

— Поглядим. Ну, прощайте!

Вагнер вскинул руки в непонятном жесте. По комнате промчался порыв ветра, керосинка погасла, и в то же мгновение в дверь моей комнаты посыпались удары.

— Рубцов, открывайте! — послышался голос Глуховцева. — Я знаю, что Вагнер у вас!

Но он опоздал.

Вагнера не было в комнате.

Мой рассказ подошел к концу. На долю мою выпало немало тяжелых жизненных испытаний, но я ни о чем не жалею, да и речь не обо мне. С той несчастной ночи минуло двадцать лет, и я с горечью вынужден признаться, что никогда больше не видел гениального русского ученого Ивана Степановича Вагнера. Возможно, он погиб, исчез, растворился в небытии в пространстве без измерений. А возможно, так и блуждает до сих пор в бесконечных измерениях совести и свободы.